

ДАВИД КЯРО

ЛЕНТРА
ЛОНДОНСКИЙ ЗАМОК

человеческий код не может опередить богиню

Давид Кяро

Лентра. Лондонский замок

<https://litres.ru/73423858>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Джека Уитлок две жизни. В одной он уставший исследователь Лондона, который работает оккультным консультантом в Метрополисе. В другой нежеланный хозяин Лентры, древней богини рун и петель, созданной, чтобы мир не распался.

Лондон всегда был странным: люди теряют минуты в метро, дежавю поражает целые районы одновременно, и иногда мост вспоминает, что упал, хотя на самом деле этого не произошло. Задача Джека выявить закономерности и остановить то, что может повлиять на обычные жизни.

Когда прибывает Фонд непрерывности, чтобы улучшить районы с петлями, Джек обнаруживает ужасающую правду: человеческий код не может опередить богиню, а богиня не может оставаться безвредной вечно

Содержание

Глава 1. Пепел под дождём	4
Глава 2. Статика	14
Глава 3. Отголоски	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Давид Кяро

Лентра. Лондонский замок

Глава 1. Пепел под дождём

К тому времени, как я добираюсь до переулка, дождь смывает большую часть крови.

Так бывает в Лондоне. Он перемальвает все подряд, выплевывает, а остальное доделывает погода. Бело-голубая лента, пропитанная водой, свисает с переулка. Полицейский в форме приподнимает её, не спрашивая, кто я такой. Он не знает, чем я занимаюсь, — только то, что инспектор Мерсер велел пропустить меня.

— Добрый вечер, мистер Уитлок, — говорит он.

— Не добрый вечер, — бормочу я, ныряя под ленту. — Сейчас дурацкое время

Переулок — это узкий проход между двумя старыми кирпичными зданиями, которые до сих пор притворяются, что когда-то здесь был промышленный город, а не съемочная площадка для Deliveroo — сервис доставки еды.

Натриевые лампы окрашивают всё вокруг в оранжевый цвет. В лужах отражаются синие блики с главной дороги. У дальней стены сгрудились двое детективов, подняв воротники пальто, чтобы защититься от дождя. Я узнаю одного из

них — Мерсера, ему под сорок, борода чуть длиннее, чем положено, — не по значку, а потому что я с детства видел, как он сидит за кухонным столом, пьёт чай с моим отцом и вполголоса обсуждает «работу». Он замечает меня и машет рукой.

— Уитлок. Прости, что вытащил тебя из дома.

— Ты никогда не извиняешься, — говорю я и почти улыбаюсь, потому что это он.

Тела больше нет, остался только пустой контур на том месте, где оно лежало. Криминалисты закончили работу, остались только меловые пометки и маленькие пронумерованные палатки, дрожащие на ветру.

Но стена... Стена не такая.

Черная паутина извилистых узоров расползается по кирпичу, расходясь от пятна размером с мой торс. На первый взгляд кажется, что это след от взрыва. Но присмотревшись, можно увидеть порядок в хаосе. Линии. Крючки. Кривые, которые похожи на символы.

Осколки внутри меня просыпаются, как будто кто-то щелкнул выключателем. В груди разливается тонкий гул, вибрирующий в такт каплям дождя, стучащим по капюшону.

Для всех остальных я просто стою и смотрю на кирпичную стену. Но внутри меня как будто кто-то прибавил громкость на радиостанции, которую слышу только я.

Мерсер смотрит на меня, а не на стену.

— Ну что? — тихо спрашивает он. — Это один из... тво-

их?

Нет никаких «твоих». У этого нет названия. Я не стану произносить его вслух.

— Наверное, — автоматически отвечаю я.

Мой голос звучит нормально. Это уже что-то.

— Расскажи мне, что здесь случилось. — Он кивает на обугленный кирпич.

— В 23:17 произошёл сбой в системе видеонаблюдения. Камеры на улице зависли ровно на одиннадцать секунд, а потом снова заработали. Соседи слышали крик, увидели вспышку. Патрульные нашли мужчину лет двадцати, без сознания. Сильные ожоги, сердце остановилось на месте. Его доставили в больницу Святого Томаса, но... — он наклоняет голову. — Четыре часа двенадцать минут утра.

Я сглатываю. — А это что?

— Раньше этого здесь не было, — говорит Мерсер. — Криминалисты говорят, что это ожог плюс... какие-то неизвестные отложения. Они исключили поджог, фейерверки и прочие очевидные глупости. Один из них пробормотал что-то про «экзотические соединения».

Гул в моей груди нарастает, вызывая сочувственную боль, от которой мои руки начинают дрожать. Я засовываю их поглубже в карманы пальто.

— В нём есть какие-нибудь запрещённые вещества? — спрашиваю я.

— Нет. И никаких явных врагов, никаких свидетелей, ко-

которые видели бы, как кто-то входил или выходил. — Он сжимает зубы. — Просто ребёнок шёл домой, а потом... вот это.

Дождь тонкими струйками стекает по чёрным линиям, не в силах их смыть.

Конечно, есть. Я подхожу ближе.

— Джек, — тихо произносит Мерсер. Он знает, как это выглядит. — Тебе не нужно это трогать.

Мы уже говорили об этом. В больницах. На кухне у моих родителей. По ночам, когда гудение становилось таким громким, что я едва его слышал.

— Да, — говорю я, по-прежнему глядя в стену, — так и есть

Потому что только это имеет какой-то смысл: контакт. Момент, когда статика становится языком, даже если я не понимаю, почему я это понимаю.

Я останавливаюсь примерно в полуметре от стены. При ближайшем рассмотрении выжженные следы складываются в нечто более чёткое. Это не буквы и не что-то человеческое, а какая-то структура. Я провожу взглядом по каждой линии. У меня чешутся руки.

Тебе не нужно этого делать, — шепчет что-то внутри меня.

Это ещё не голос, пока нет. Скорее давление, как будто воздух сгущается перед грозой. Я не обращаю на это внимания. Игнорирование — единственный способ, которым я могу вести себя на публике.

Я вытаскиваю руку из кармана, разгибаю пальцы, стряхивая капли дождя, и слегка прижимаю ладонь к кирпичу.

Мир не исчезает, но и не становится прежним. Он... накладывается.

На мгновение мне кажется, что я всё ещё в переулке: мокрый кирпич под моей рукой, шум дождя, Мерсер за моей спиной. А поверх всего этого, словно вторая экспозиция, — камень. Гладкий холодный камень, истоптанный веками босыми ногами и залитый кровью.

В воздухе витает аромат благовоний и чего-то более резкого, похожего на запах озона. Вокруг меня на полу выжжены руны — те же, что испещряли эту стену, но крупнее и чётче. Они парят над камнем в лучах розово-белого света, гудя в унисон с моими костями.

Фигуры в капюшонах окружают меня. Лица скрыты, руки подняты. Их рты двигаются, произнося нараспев что-то, чего я не понимаю, но каким-то образом понимаю, и смысл этих слов проникает прямо в мою душу.

В центре круга — в центре меня — что-то огромное и яростное давит, пытаюсь прорваться сквозь мою грудь. Моё сердце замирает. Дыхание сбивается.

— Джек? — Голос Мерсера доносится одновременно из переулка и из коридора, пробиваясь сквозь эхо.

Я отрываю руку от стены.

Камень снова превращается в кирпич. Руны тускнеют, в мир возвращается натриевый свет. Меня трясёт. Ладонь го-

рит, как будто я прикоснулся к плите, но, когда я смотрю на неё, на коже нет никаких следов.

Мерсер подходит ближе, беспокойство сквозит в его обычной грубоватой манере. — Ты ещё со мной?

— Да, — вру я. — Почти.

Он вглядывается в моё лицо, не настаивая.

Он единственный, кому я когда-либо рассказывал о Японии, единственный, кто знает, что «Фудзи» — это не просто забавная история о путешествии.

— Активен? — тихо спрашивает он, наклонив голову в сторону выжженного участка.

Я снова смотрю на стену.

В узоре есть... пульсация, если можно так выразиться. Ни света, ни чего-то, что могла бы уловить камера. Просто ощущение, будто кто-то смотрит на тебя из толпы.

— Да, — говорю я. — Есть связь.

— На английском, Джек.

— На английском? — я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Что бы это ни было, оно всё ещё... подключено. Если кто-то повторит этот паттерн в другом месте, есть вероятность, что он сработает снова. Или, что ещё хуже, они могут использовать это как лазейку.

Мерсер ругается себе под нос. — Ты можешь это прочесть?

— Я могу попробовать.

Это всегда «попробовать». Никаких инструкций, никаких

гарантий. Только я, узор и то, что у меня под кожей и что я не могу игнорировать.

Я подхожу вплотную к кирпичной стене, так близко, что чувствую исходящее от неё слабое тепло. Раздвигаю пальцы, на этот раз на расстоянии вдоха. Я уже знаю, как это выглядит на камерах видеонаблюдения: мужчина, застывший перед стеной. Ничего страшного. Странно. Но ничего больше. Осколки сдвигаются. Они не разговаривают. Они давят.

Края моего зрения расплываются, а на периферии появляются маленькие остаточные изображения — крючки, чёрточки, петли. Мой взгляд задерживается на одной из отметин на стене — кривой петле, пересечённой ломаной линией. Мой мозг хочет дать ей название — так же, как вы узнаете букву, не помня, как учили алфавит.

Пустота, — говорит что-то внутри меня.

Вчера я не знал этого слова. Я в этом уверен. Но я всё равно знаю, что оно значит.

Я медленно выдыхаю.

Воздух между моей ладонью и кирпичом становится плотным, как будто я прижимаюсь к тёплому стеклу.

Я знаю, что для Мерсера это выглядит так, будто я просто сосредоточился.

— Давай, — шепчу я так тихо, что он не слышит. — Не к стене. К рисунку.

В голове у меня возникает образ: маленький незавершённый квадрат. Диагональная линия, которая не доходит до уг-

лов. Отказ. Пустота. Гудение в моих костях меняется, подстраиваясь под этот образ. Нет ни видимого свечения, ни фейерверков. Просто ощущение, будто из комнаты высасывают воздух. Почти пульсирующий ожог... останавливается.

Наблюдающее присутствие за узором — что бы там ни цеплялось за эту отметину — отпускает или отталкивает. Такое ощущение, что у меня в затылке разжимается мышца.

Я слегка пошатываюсь и хватаюсь за стену.

— Готово? — спрашивает Мерсер.

— Для меня — да. — Я убираю руку. Стена выглядит точно так же: обожжённая, уродливая, обычная. — Больше никаких... обвинений. Криминалисты увидят то же, что и раньше.

Он изучает меня. — А ты?

— Всё ещё здесь, — я пытаюсь пожать плечами. Выходит неуклюже. — Такое ощущение, что кто-то прошил мои нервы оголённым проводом, но бывало и хуже.

— Это не смешно, — говорит он.

— Это немного забавно.

Его губы дрожат, но беспокойство не покидает его взгляд. — Есть идеи, кто это делает?

— Да, — говорю я и морщусь. — Нет. Я знаю этот стиль. Его... грамматику. То же самое, что...

— Такая же, как гора, — заканчивает он.

Я киваю. — Но когда я там был, они не... экспортировали.

Это слово кажется неподходящим, слишком мелким для

того, что я имею в виду: узор, идущий от этого храма до переулка на Кеннингтон-роуд.

— Значит, кто-то здесь использует тот же... язык, — говорит Мерсер. Он по-прежнему не называет это магией. Я его не виню. — Ты можешь отследить их по этому признаку?

— Я могу это прочесть, — говорю я. — А вот найти автора... сложнее.

— Но это не невозможно.

Я не отвечаю. Не вслух.

Он вздыхает. — Пришли мне всё, что сможешь. Я заставлю криминалистов работать не так бесполезно.

Я фыркаю. — Удачи.

Он отступает на шаг, и под маской детектива проступает его беспокойство.

— Иди домой, Уитлок. Постарайся уснуть. Представь, что ты всё ещё обычный гражданин.

— Теряя эту битву каждый день, — говорю я.

На выходе полицейский снова поднимает ленту. Он смотрит на меня с лёгким любопытством, которое люди обычно испытывают к тем, кого называют «специалистами», без каких-либо уточнений.

Я возвращаюсь на главную дорогу. Где-то в глубине города воют сирены. Мимо с шипением проезжают автобусы, разбрызгивая воду. Лондон живёт своей жизнью, не замечая происходящего.

В тёмной витрине магазина я вижу своё отражение: строй-

ный мужчина в промокшем пальто, с прилипшими к щекам тёмными волосами, в которых одна яркая прядь отликает пепельным в свете уличных фонарей. На мгновение мне кажется, что эта прядь ярче, чем должна быть. Просто у меня богатое воображение. Просто я устал.

Гудение в груди с этим не согласо.

Я смотрю прямо перед собой, пока позади меня не вспыхивают фары, заливая стекло белым светом. Когда свет рассеивается, я снова остаюсь один. В моих глазах нет никаких символов. Никаких ореолов из рун. Больше никто не видит никакой разницы. Я засовываю руки в карманы и продолжаю идти.

Я хотел вернуть свою прежнюю жизнь, когда спустился с той горы. Вместо этого я получил вот это.

И где-то под лондонским дождём на кирпичной кладке проступает надпись, оставленная храмом, в ожидании моего ответа.

Глава 2. Статика

Мой будильник срабатывает в пол-одиннадцатого, что очень щедро с его стороны, потому что я не сплю с девяти. Я всё равно лежу и слушаю шум машин и стук радиаторов, которые, кажется, пытаются вырваться из стен. Осколки сегодня утром ведут себя тихо — вместо вчерашнего ночного оркестра слышится лишь низкий глухой гул. Режим похмелья.

В конце концов, отговорок больше не осталось, так что я с трудом поднимаюсь и бреду на кухню. Ставлю чайник. Открываю шторы. Лондон при дневном свете выглядит точно так же, как Лондон ночью, только секретов стало меньше.

В моей электронной почте куча спама, вежливая угроза от моего научного руководителя о необходимости «отчитываться о ходе работы» над моей якобы продолжающейся диссертацией и три письма из общего почтового ящика «Оккультные происшествия», в одном из которых мужчина утверждает, что его тостер одержим.

Я помечаю тостер. На потом. Нам всем нужны победы.

Мой телефон вибрирует — пришло сообщение от мамы. «Как дела? Поел? Позвони, когда будешь свободен»

Токийское время. Ей пора спать.

Я смотрю на экран, держа палец над кнопкой. В зеркале отражается моё лицо: тёмные волосы, пепельная прядь, то же

лицо, которое он видел на детских фотографиях и выпускных снимках, но он понятия не имеет, что сейчас у меня на душе.

Я пишу: Только что закончил работу. Позвоню завтра. Люблю тебя, целую. Я не добавляю: ходил смотреть на сгоревшие руны со старым папиным коллегой, который единственный на этом острове мне верит. Я всё ещё разговариваю с тем, кого привёз из твоей страны, но научился делать это мысленно, так что можешь не волноваться.

Кладу телефон. Чайник выключается. Я наливаю чай и подгоревший тост. Счищаю подгоревшее, всё равно ем.

После Японии меня стали считать странным.

Раньше я был просто «Джек с книгами» или «Джек, который забывает поесть, когда читает». После Фудзи я стал «Джеком, который разговаривает сам с собой в проходах супермаркета» и «Джеком, который слишком долго смотрит в одну точку». Слухи распространяются даже в большом городе, если дать им достаточно времени и равнодушную мать.

Потребовалось несколько месяцев, чтобы понять, что, когда я бормочу себе под нос «Прекрати» на людях, когда вспыхивают руны, это не помогает. Теперь я держу язык за зубами. По большей части.

Я отношу чай на диван и усаживаюсь на подушку, которая приняла форму моего тела.

Квартира маленькая — студия, замаскированная под «открытую планировку», — но она моя. Диван, маленький сто-

лик, кровать в углу, книжные полки — смелая попытка создать атмосферу взрослой жизни.

Одна стена заставлена полками: учебники, малопонятные теории оккультизма, сборники старых японских народных сказок, стопка потрёпанных романов. На другой стене — карты: Лондон, Токио, гора Фудзи — с булавками и каракулями. Красные круги. Чёрные стрелки. Заметки, которые могу прочесть только я.

Хуже всего карта Фудзи. На ней есть отметка на полпути, где официальный маршрут разделяется на две части. От этой отметки едва заметная карандашная линия уходит в пустоту и заканчивается маленьким нарисованным от руки символом: кругом с диагональю, которая не доходит до центра.

Я до сих пор не знаю, что появилось раньше: символ, который я рисую, или мысль в моей голове.

На кофейном столике меня ждёт мой чёрный блокнот. На обложке нет названия. Внутри — хаос. Руны, обрывки, переплетения линий, вопросы, даты. Краткие записи вроде «ЭТО БОЛИТ» и «СПРОСИ МЕРСЕРА».

Перелистываю страницу, на которой остановился вчера вечером.

Я уже набросал по памяти стену переулка: основной узор и его основу, то, как, по моему мнению, на самом деле расположены линии. Добавляю: 3-й лондонский ожог — та же структура корня. Кто бы это ни был, это ОДНА рука.

Гудение в моей груди дёргается, как мышца, помнящая

удар.

— Не сейчас, — тихо говорю я.

Я один. Могу позволить себе прошептать. Но старые привычки берут своё: я говорю это себе под нос.

Гудение не обращает на меня внимания.

Я закрываю глаза. За веками снова встаёт стена: кирпичи сливаются с камнем, выжженные участки — с рунами. Так легко было бы позволить воспоминаниям утянуть меня на дно. Ощущения такие же, как всегда: маленький шаг в пустоту, тяжесть в животе. Комната наклоняется, затем выравнивается. Края полок расплываются.

Когда я открываю глаза, я всё ещё в своей квартире. Лампа, диван, кружка, карты. Всё на своих местах. На них, словно второе изображение на проекторе, который кто-то забыл выключить, лежат световые линии. В воздухе висят едва различимые розоватые руны. Они очерчивают углы комнаты, выются по потолку, рисуют узоры на моих руках. Они не чёткие. Больше похожи на остаточные изображения.

Если бы сюда вошёл кто-то ещё, он бы ничего не увидел. Я это знаю. Я убедился в этом на собственном горьком опыте, когда на той неделе притащил своего лучшего друга из университета к себе домой и указал на стену, требуя: «Скажи, что ты это видишь». Он увидел бежевую краску. Я увидел спираль из символов, кричащих в тишине. Мы теперь мало разговариваем.

Я сосредотачиваюсь на одной линии рядом с рукой: кри-

вая с диагональной чертой. Я сто раз рисовал её в блокноте. Но до сих пор не помню, как её выучил.

— Вуаль, — шепчу я.

Руна на мгновение вспыхивает, словно довольная, а затем растворяется. Остальные в ответ подрагивают. Гудение в моей груди обретает форму. Это не голос. Пока нет. Скорее, давление, которое хочет стать голосом.

— Десять минут, — говорю я. — Потом я закончу. У меня своя жизнь, помнишь? — возникает какое-то ощущение — согласие? веселье? — и квартира исчезает из виду.

Я снова в коридоре. Каменные своды смыкаются над головой, теряясь во тьме. На полу стоят колонны, украшенные таким количеством символов, что я мог бы потратить несколько дней на их подсчёт и всё равно не уложиться. В настенных светильниках горят факелы. В воздухе витает запах пепла, благовоний и чего-то металлического.

Осколок памяти. Не моей. Его.

В центре зала, вокруг круга с рунами, глубоко вырезанными в камне, разливается свет. Внутри круга стоит женщина. Когда я впервые её увидел, мне показалось, что я смотрю на себя в будущем. Теперь я вижу различия. Она выше меня. Её присутствие заполняет пространство так, как никогда не заполняло моё. У неё тёмные волосы с яркой розовой прядью, которая проходит через них, как кварцевая жила. Её глаза чёрные и яркие, в них мерцают отражения рун, словно звёзды в ночном небе.

Лентра.

Я не выбирал это название. Оно пришло ко мне, наполненное смыслом, в ту первую ночь, когда мне приснился этот зал. Как будто осколки не столько учили меня новому слову, сколько напоминали о том, что я всегда знал.

За пределами круга стоят шесть фигур в мантиях, склонив головы и подняв руки.

— Ты знаешь условия, — говорит она.

Её голос вибрирует в камне — и в моих костях.

— Храм стоит как замок, а не копье. Петля заканчивается здесь. Мы не превращаем это в оружие.

Одна из фигур поднимает голову. Его лицо скрыто тенью, но я чувствую исходящее от него напряжение.

— При всём уважении, Лентра, — говорит она, — если мы нанесём удар первыми, мы сможем...

— Нет.

Это слово хлещет, как кнут. Руны у её ног вспыхивают в ответ.

— Думаешь, я всё это затеяла, чтобы дать тебе палку побольше — в её голосе сквозит презрение.

— Мы здесь не для того, чтобы стать тем, с чем боремся. Мы закрепляем сложившийся порядок. Мы отказываемся от перезагрузки. Вот и всё. — Она опускает взгляд. Молчание.

Я уже столько раз пересматривал этот фрагмент, что могу предугадать, что будет дальше.

Раньше он всегда обрывался до того, как заканчивалась

ссора, и я возвращался в постель с бешено колотящимся сердцем.

Сегодня этого не происходит. Она поворачивает голову. Медленно. Намеренно.

Она смотрит прямо на меня. Не на фигуры в мантиях, не на стены. На меня. На пустое место в воздухе, где в её воспоминаниях стоит некто, у кого нет тела.

— Ты упрямый, — говорит она.

Фигуры в мантиях не реагируют. Эта реплика не для них.

— Это что-то новенькое, — говорю я.

Слова не слетают с моих губ. У меня здесь нет губ. Но зал каким-то образом меня слышит. Она слышит. Её губы изгибаются, но это не совсем улыбка.

— Как и ты, — отвечает она.

Колонны по краям расплываются. Зал дрожит, воспоминание пытается вернуться на исходную дорожку.

— Я этого не просил, — говорю я. — Ни о чём из этого.

— Я не просила тебя взбираться на гору и стучаться в мою дверь, — говорит она. — Но вот мы здесь.

В воздухе между нами мелькают образы: снег и скалы, красные ворота тории, узкая боковая тропинка, уходящая в сторону от главной дороги. Я инстинктивно отшатываюсь от них.

— Стой, — говорю я.

Изображения тускнеют. Пение фигур в мантиях возобновляется, как будто запись продолжилась с того места, на

котором прервалась.

— Ты используешь меня, — продолжаю я. — Как и они. Как они и хотели. Сосуд, оружие — выбирай любой термин, который не заставит тебя чувствовать себя виноватым.

— Неправильный порядок, — говорит она. — Они использовали меня. Потом они использовали мою работу. Теперь они пытаются использовать тебя. — Удар. — Я пытаюсь убедиться, что у них ничего не получится.

Я хочу сказать ей, что этого недостаточно. Что она создала машину, и теперь она живёт у меня в рёбрах.

Вместо этого выходит: «Держись подальше от моей головы».

— Я не могу. — Никаких извинений. Просто факт. — Ты носишь мои осколки. Каждый раз, когда ты прикасаешься к узору, во мне пробуждается что-то новое.

— Тогда я перестану к нему прикасаться.

— И позволить им вырезать это на стенах твоего города? — её взгляд становится жёстким. — Пусть ищут кого-нибудь другого, кто не будет сопротивляться? Ты же умнее, Джек.

Моё имя, слетевшее с её губ, задело за живое, хотя я и не подозревал, что это так.

— Ты меня не знаешь, — говорю я.

— Я знаю, что у тебя внутри, — говорит она. — Я почувствовала это в горах. Чувствую и сейчас. Ты не первый, кого они пытались переделать, но ты первый, кто не сломался и не прогнулся под их натиском. Это делает тебя... интересным.

— Я в восторге, — сухо говорю я. — Занесу это в своё резюме.

Пение становится громче. Вокруг круга разливается свет.

— Времени мало, — говорит она. — Ты хотел нормальной жизни. Её больше нет. Теперь у тебя есть выбор.

— Между чем и чем? — спрашиваю я. — Между тем, чтобы сделать вид, что ничего не происходит, и тем, чтобы отдать тебе ключи от моего черепа?

— Притворяйся, что ты не в гуще событий, — говорит она, — и смирись с тем, что, если ты не научишься использовать то, что у тебя есть, они научат кого-то другого, кого будет легче сломить.

Вот оно. То, о чём я думал с тех пор, как вернулся из Японии, но не хотел называть: если я уйду, гора не уснёт снова. Храм не исчезнет. Узор найдёт другого носителя.

— Я не говорю «да», — отвечаю я ей.

— Пока нет, — соглашается она.

Зал рушится. Камень распадается на свет ламп, руны — на тени. Я снова на своём диване, тяжело дышу, вцепившись пальцами в подушку. Кружка стоит на столе нетронутая. Чай остыл. Я провожу рукой по лицу.

— Больше десяти минут, — хриплю я.

Тишина. Гудение в груди сменилось низким, ровным бибением. Теперь оно не такое тревожное. Как будто что-то с удовольствием ждёт. Мой взгляд скользит по карте Фудзи. К отметке на боковой тропе. К маленькому значку, который я

нарисовал несколько месяцев назад и никому не стал объяснять, что он означает.

Я выключаю лампу. Сквозь тонкие занавески пробивается уличный свет, окрашивая потолок в оранжевый цвет.

Лёжа в постели и глядя на голую штукатурку, я шепчу: «Я не говорю „да“.» Осколки не отвечают. Им и не нужно. Они знают, и я знаю, что я ходил в переулок. Я прислонился рукой к стене. Выключил проектор, вместо того чтобы притвориться, что ничего не вижу.

Нормал остался на той горе.

Осталось только разобраться с тем, что пошло за мной.

Глава 3. Отголоски

Будильник срабатывает в десять тридцать. Я уже час плююсь в потолок. Вы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.